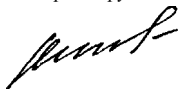

На правах рукописи

Михалева Альбина Викторовна

**МУСУЛЬМАНСКИЕ ОБЩИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
НЕМУСУЛЬМАНСКИХ РЕГИОНОВ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И ГЕРМАНИИ**

Специальность 23 00.02 - политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Пермь 2004

Диссертация выполнена на кафедре политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного университета им. А. М. Горького

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Фадеева Любовь Александровна

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор
Семененко Ирина Станиславовна

доктор политических наук, профессор
Бусыгина Ирина Марковна

Ведущая организация: Институт сравнительной политологии
Российской Академии Наук

Защита состоится 5 июля 2004 года в 15⁰⁰ часов в ауд.511 на заседании
Диссертационного Совета КР 212.189.36 при Пермском государственном университете
по адресу: 614600, Пермь, ул. Букирева, 15.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Пермского государственного
университета им. А. М. Горького

Автореферат разослан 4 июля 2004г.

Ученый секретарь Диссертационного Совета,
кандидат исторических наук, доцент

А. А. Борисов

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В последние десятилетия в социальных науках наблюдается неуклонный рост интереса к исламу не только как к религии, но и как к общественно-политическому феномену. Это вызвано, прежде всего, тем, что усиление глобализационных процессов привело к усложнению этноконфессионального ландшафта, к формированию "мультиконфессиональных обществ" в большинстве современных стран.

Сегодня ислам и мусульманский образ жизни стали неотъемлемыми атрибутами многих западных стран. В США мусульманское население составляет 4 млн (1,6%), в странах Западной Европы насчитывается 25-30 млн. мусульман¹ во Франции - 3 млн (5%), в Великобритании - 1,3 млн. (2,7%), Германии - 3,1 млн. (3,5%). Исследователи предсказывают неуклонный рост мусульманского населения за счет миграционных потоков и высоких темпов воспроизводства, характерных для исламского мира². По оценке французского демографа Ж.-К. Шене, к 2050 г. мировая численность мусульманской уммы достигнет 3 млрд. человек³.

Расширение мусульманского присутствия привело к возрастанию роли ислама во внутриполитической жизни западноевропейских стран. Мусульмане стремятся стать реальной политической силой, легитимными участниками политического процесса в немусульманских странах. В состав германского бундестага, переизбранного в октябре 2002 г., вошли две мусульманки. На декабрьских выборах в Государственную Думу Российской Федерации (1999 г.) политическое объединение "Рефах" получило пять мест, сплотив вокруг себя в общей сложности 12 депутатов. Российские ученые считают, что "мусульмане проходят в Думу всерьез и надолго". Ислам рубежа XX-XXI вв. все больше осознает необходимость легальной политической борьбы за свое представительство. На фоне демографических процессов с учетом возрастания доли мусульманского населения можно рассчитывать на сохранение этой тенденции.

Страны исламского Востока - ареал традиционных экономических, культурных интересов России и Германии. Многие современные политики как федерального, так и регионального уровня рассчитывают на укрепление взаимоотношений с зарубежным исламским миром, что позволит усилить собственные внешнеполитические позиции⁴. Дружественные культурные, экономические, торговые отношения со странами исламского Востока создают условия для вхождения ислама во внутриполитическую жизнь немусульманских стран.

С другой стороны, интерес к исламу и значимость исламского фактора объясняется внутренним потенциалом вероучения. Исламская мысль чутко реагирует на общемировые тенденции развития, эволюционирует доктринальная интерпретация, предлагая новые формы взаимодействия с немусульманским миром. Как показывает

¹ Die Angaben des Instituts fuer Entwicklungsforschung, Wirtschafts- und Sozialplanung Saarbruecken, Berlin, Brussel 2002, www.tamk.ru

² Градировский С. Культурное пограничье: русский ислам// www.antropotok.archipelag.ru/text/a258.htm, Muenz R., Ulrich R. Migration und Integration von Zuwanderern: Optionen fuer Deutschland// Informationen zur Raumentwicklung Heft 11/12 1998 S. 697-711.

³ Кицлев С. Г. Цивилизационные вызовы России// Военная мысль 1999 №2 С 19

⁴ Малащенко А. Какие мусульмане нужны России?// Россия и мусульманский мир 2000 №3 (93). С 19
⁵ Randfolge der Handelspartner im Aussenhandel der BRD// www.destans.de/download/d/mush/tung2.pdf, Erster Tag der Nahostreise Bundeskanzler Schröder in Ägypten// www.bundeskanzler.de/www.bundeskanzler.de-7470-334850/Erster-Tag-der-Nahostreise-Bundeskanzler-Schroeder.htm, Bundeskanzler Schröder in Saudi-Arabien kein Wohlstand ohne Frieden// www.bundeskanzler.de/www.bundeskanzler.de-7470-334851/Bundeskanzler-Schroeder-in-Saudi-Arabien-Kein-Wo.htm

⁶ Акулов Т. Мусульманский вектор внешней политики России// www.tatar.ru/?DNSID=7c4f33f0512989644a9c76105eff73d&node_id=393, Дугин А. Г. Ось Москва - Тегеран вполне возможна// www.rvps.ru/r_poln.php?id=4

практика, насколько разнообразна сама действительность, настолько же разнообразна и неисчерпаема мусульманская мысль. Таким образом, встает вопрос о способности ислама принять вызов современности. И эти процессы должны быть отрефлексированы учеными.

Процессы демократизации, развития и укрепления гражданских обществ¹ заставляют признать фактическую пестроту конфессионального ландшафта как России, так и стран Западной Европы, а также по-новому взглянуть на ценности "конфессионального плюрализма". В России на фоне "возрожденческих" процессов, на Западе в результате миграционного фактора и иноконфессионального окружения растет активность самих верующих, уровень и степень их религиозности. Этноконфессиональная ситуация в регионах осложняется гетерогенностью религиозных общин, наличием внутренних течений в отдельных конфессиях, а также ростом влияния в регионах новых нетрадиционных культов. Этноконфессиональные аспекты политических процессов становятся предметом политологического, прежде всего, сравнительного анализа.

Современные общества встают перед серьезной проблемой - фактическим испытанием, проверкой провозглашенных ими ценностей, в том числе толерантного отношения к носителям иной культуры, что особенно болезненно воспринимается на политическом - уровне. Интеграционная политика наталкивается на непреодолимые трудности, прежде всего, на религиозный фактор, который препятствует складыванию европейской идентичности. Миграционная проблема пока не находит своего решения, продолжается поиск оптимального сочетания между сохранением культурного своеобразия² мигрантов и попытками интегрироваться в новое сообщество. Современные западные общества остаются сильно поляризованными, формируются, как отмечают исследователи, параллельные исламские миры: "Сегодня в Германии отчасти создан собственный исламский мир, который может существовать автономно во многих областях и который настаивает на поддержании дальнейшей автономии..."³. Успех дальнейшей интеграции во многом зависит от взаимопонимания обеих сторон, от совместных усилий по поддержанию демократического плюрализма и демократических ценностей. В свою очередь мусульмане должны осознать, что "исповедовать ислам, быть его последователем - это и высочайшая честь, и высочайшая ответственность"⁴.

События 11 сентября 2001 г. обнажили существующие противоречия между мусульманскими мигрантами и немусульманским окружением, вызвали новое переосмысление присутствия исламского фактора. Западное общество еще раз ощутило острую необходимость поддержания солидарности и гражданского единства, своей внутренней целостности⁵.

По прогнозам ученых (А. Малащенко, У. Шполер-Штегеманн) роль ислама в ближайшее время будет неуклонно расти, а, значит, возникает практическая необходимость изучения мусульманского сообщества, его интересов, особенностей политической культуры и политического участия, роли, которую он будет играть в жизни местных сообществ в ближайшие годы. Вместе с тем "русский ислам", "германский ислам", "мусульманская умма" - понятия неоднозначные и по-разному трактуемые. В них имеется своя региональная специфика. В этом контексте, следует выявить правомерность попыток регионализации мусульманской уммы, его реальное влияние на политические процессы в регионах.

До сих пор подвергалась анализу этнорелигиозная ситуация тех регионов, в которых политическая обстановка была обострена в ходе вооруженных конфликтов ("горячие точки"). Меньше внимания привлекают регионы, в которых

¹ Spuler-Stegemann U. Muslime in Deutschland. Freiburg, Basel, Wien, 2002. S. 15.

² Гайнутдин Р. Ислам, вера, милосердие, терпимость. М., 1997. С.3.

³ См.: Консерватизм и цивилизационные вызовы современности/Под ред. П. Ю. Рахмичра. Пермь, 2003. С. 116-154.

межконфессиональная обстановка относительно стабильна, и мусульманский компонент признается элементом гражданского общества. В условиях дальнейшей демократизации и формирования гражданского общества в России, поддержания политической стабильности и укрепления гражданского общества в Германии следует учитывать мусульманскую составляющую и ее влияние на региональную политическую жизнь.

В качестве единиц сравнительного анализа в диссертационном проекте взяты немусульманские регионы России и Германии - Пермская область и Берлин, в которых сложились спокойные конструктивные отношения между мусульманской конфессией и другими элементами региональных сообществ, а также местной властью. Пермская область и Берлин - субъекты федераций со схожим институциональным дизайном региональной власти, с крепкими традициями межконфессионального сотрудничества и взаимодействия, сопоставимые по социально-демографическим показателям (численность населения, удельный вес мусульманского населения в регионе), конфессиональному ландшафту, по характеру расселения этноконфессиональных меньшинств (районы компактного проживания), проблемам мигрантских диаспор.

С другой стороны, это регионы с разным геополитическим, экономическим положением¹⁰, определенными отличиями в политической системе на региональном уровне, в федеративном устройстве¹¹, законодательно-правовой сфере, в политической культуре населения¹², с разным характером воспроизводства мусульманских общин в исследуемых регионах.

По оценкам ученых, Россия на современном этапе переживает трансформационные процессы в политической, социальной, общественной сфере, а потому пытается закрепить основные демократические правила, нормы, процедуры¹³. В связи с этим для России может оказаться полезным опыт ФРГ в отношении этноконфессиональных меньшинств. Германия, в которой значительная часть иммигрантов - выходцы из мусульманских стран, обладает большим опытом в развитии иммиграционного законодательства, специальных образовательных программ, которые в рамках мультикультурных процессов призваны защитить граждан и обеспечить реализацию их прав.

Все это дает основание для сравнения мусульманских сообществ Пермской области и Берлина по принципу поиска сходств при максимальных отличиях регионов.

Объектом данного диссертационного исследования стало мусульманское сообщество в немусульманской среде.

¹⁰ С основной статистической информацией можно ознакомиться на сайтах Федеральной статистической службы Германии и Государственного комитета статистики РФ, см. www.destatis.de и www.gks.ru.

¹¹ Бусыгина И. Германский федерализм: история, современное состояние, потенциал реформирования// Полис 2000 №3, Бусыгина И. Федеративное строительство в России и административная реформа президента Путина в контексте демократического транзита// Политический альманах Прикамья. Вып.1 Пермь, 2001 С 6-17, Бусыгина И. Формирование и развитие федеративных систем на Востоке и Западе// МЭМО 1994 №1 С 166-169, Бусыгина И. Формирование верхней палаты парламента в федерациях России и зарубежный опыт// МЭМО 1996 № 7, Калина В. Национальные модели федерализма и особенности их становления// СГЗ 1999, Леванский С. А. Германия: федерализм в мононациональном государстве// Полис 1995 №5 С 116-120, Субботин А. Г. Федерализм и национализм: русский путь// Политический альманах Прикамья. Вып.1 Пермь, 2001 С 31-37, Эйзер Д. Сравнительный федерализм// Полис 1995 №5.

¹² Бусыгина И. М. Регионы Германии. М. РОССПЭН, 2000, Зонтхаймер К. Федеративная республика: Германия сегодня. М., 1996, Фадеева Л. А. Политическая культура Пермь, 2000, Фадеева Л. А. Политические традиции и региональная политическая культура Прикамья// Политический альманах Прикамья. Вып.1 Пермь, 2001 С 46-69.

¹³ Готенкова З. Т. Гражданское общество в России// Соисс 1997 №3, Заславская Т. И. Современный трансформационный процесс в России// Соисс 2001 № 8.

Предметом исследования настоящей диссертации является положение и роль мусульманского сообщества в региональной политической жизни России и Германии.

Цель исследования • сравнительный анализ положения и роли мусульманского сообщества в региональной политической жизни двух стран - России и Германии (на примере Пермской области и Берлина).

Основные исследовательские задачи. Для реализации цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1) рассмотреть теоретические подходы к анализу этнополитических и мультикультурных процессов в современном мире;

2) проанализировать процесс институционализации шлама в контексте социально-политической истории России и Германии:

- время появления, условия принятия ислама;
- взаимоотношения с местным населением, сложившийся характер взаимоотношений ислама с властью в данных регионах, с другими конфессиями, региональная специфика ислама;
- традиционные формы политического поведения и участия населения;

3) охарактеризовать политико-правовое положение как отдельных верующих, так и мусульманской общины в регионах России и Германии, определить сходство и различия стоящих перед ними проблем, оценить возможности реализации их прав;

4) проанализировать процесс институционализации ислама на примере мусульманских организаций двух стран, их места и роли в региональной политической жизни, в артикуляции интересов и требований верующих;

5) охарактеризовать религиозную идентичность и политическую культуру мусульман Пермской области.

Хронологические рамки работы. Исследование хронологически ориентировано на анализ современного мусульманского сообщества 1990-х гг. XX в. - начала XXI в. (август 2003 г.) в связи с тем, что проблемы этноконфессиональных меньшинств, толерантности в обществе, межэтнического согласия особо остро встали в последние десятилетия. Вместе с тем, для лучшего понимания специфики ислама, традиционных форм политической культуры (устоявшихся ориентации, стереотипов) в данной среде существенное место отводится анализу ислама в исторической ретроспективе России и Германии, начиная с XVII-XVIII вв.

Научная новизна исследования. В рамках настоящей диссертации впервые предпринята попытка развернутого политологического анализа региональных мусульманских сообществ в немусульманских регионах. Диссертация представляет собой первый опыт сравнительного исследования мусульманских региональных сообществ России и Германии. Новизна работы заключается в том, что в научный оборот социальных наук вводится огромный пласт фактической, аналитическом информации о мусульманах как социокультурной группе. Впервые мусульманское сообщество Прикамья рассматривается в контексте государственно-исламских отношений с привлечением широкого круга архивных источников по истории регионального ислама.

Практическая значимость исследования определяется тем, что результаты и выводы исследования могут быть использованы практикующими политиками, органами государственной власти как федерального, так и регионального уровней. Опыт Германии в регулировании межконфессиональных отношений, в поддержании социально-политической стабильности в регионах может быть полезен региональным администрациям, в частности, администрации Пермской области. Продуманная региональная политика способствует снижению националистических настроений, предотвращает социально-политические катаклизмы в обществе. Архивные материалы и данные социопросов помогут сотрудникам Духовного управления мусульман Пермской области определить приоритеты в работе с верующими на ближайшие годы.

Новый фактологический материал по истории ислама в Прикамье представляет интерес, прежде всего, для самих верующих. Популяризация материалов данного исследования призвана служить росту межконфессионального, межличностного доверия в регионе. Диссертационное исследование может быть использовано при подготовке спецкурсов, спецсеминаров и учебных курсов по конфессиональным проблемам как в ВУЗах, так и в средние-специальных заведениях.

Теоретико-методологическая основа исследования. В работе используется комплексный подход к этнополитологическому анализу, учитывающий как примордиалистские характеристики сообществ, так и роль их лидеров в формировании этноконфессиональной солидарности (конструктивизм), прагматическую, социально-психологическую мотивацию некоторых ее представителей (инструментализм).

Во многих работах по этнополитологии доминируют инструменталистские и конструктивистские подходы, которые являются функциональными с точки зрения анализа государственно-политических отношений. С другой стороны, структуры гражданского общества (институты, ассоциации, группы интересов), могут быть адекватно описаны только с учетом примордиалистского подхода, который расширяет аналитические возможности за счет анализа субъективных факторов (традиционные особенности поведения, ценности, убеждения, которые находят отражение в политической культуре). Как демонстрируют демографические, этнические показатели мусульманских общин, направления их деятельности, которые ориентируются, прежде всего, на запросы простого верующего, примордиалистские характеристики современности по-прежнему играют важную роль, особенно среди народов, традиционно исповедующих ислам, а потому не могут не учитываться при анализе мусульманских сообществ.

В качестве теоретико-методологической основы сравнительного анализа в работе используется политико-культурный подход, который позволяет проанализировать особенности политической культуры сквозь призму политической истории. Автор допускает синтез нескольких подходов при анализе разных сторон изучаемого объекта.

Так, автор признает трактовку институтов в широком смысле в духе неонинституционального подхода, который рассматривает их не только как структуры, но и как совокупность формальных/неформальных норм, "правил игры", действующих в обществе. На наш взгляд, институциональный и политико-культурный подходы не являются антагонистами, во всяком случае, неонинституциональная концепция позволяет учитывать всю сложность протекающих процессов, в том числе исторические условия складывания политической культуры, поведения мусульманских сообществ.

В основе историко-сравнительного анализа лежит принцип историзма, согласно которому любое явление рассматривается в его историческом контексте.

Следует сделать несколько пояснений относительно категориального аппарата.

Одним из ключевых в данном диссертационном исследовании является понятие "мусульманская умма". Как известно, в последнее время наметилась тенденция регионализации данного явления. В середине 1990-х гг. разгорелась острая дискуссия вокруг понятия "евроислам" применительно к европейским мусульманским диаспорам, под которым понимают адаптацию религиозных догм к ценностям современного общества. На авторство предложенного термина претендуют, с одной стороны.

¹⁴ См. Воронков В. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. Малахов В. Вызов национальному государству // Pro et Contra 1998 Т.3, №2, www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55682.htm; Малахов В. Зачем в России мультикультурализм? // www.antropotok.archipelag.ru/text/a062.htm; Малахов В. Мультикультурализм или интеграция // Неприкосновенный запас. 2002 №5(25), Малахов В. Неудобства с идентичностью // www.antropotok.archipelag.ru/text/a258.htm; Малахов В. Ностальгия по идентичности // www.antropotok.archipelag.ru/text/a273.htm и др.

Директор Института истории Академии наук Татарстана Р. Хакимов, и, с другой стороны, - немецкий политолог, профессор Гёттингенского университета Б. Тиби. Бассам Тиби понимает под "евроисламом" светский вариант ислама, который призван ужиться с демократическим государственным устройством и укладом жизни современных стран, то есть отказаться от законов шариата, признать существующий конституционный порядок современных стран и демократические права и свободы. При этом Б. Тиби отрицает правомерность более мелкого дробления введенного им понятия: "Ислам всегда отличался религиозным и культурным многообразием... Мы не можем сказать, что существует нечто под названием "немецкий ислам". Это означало бы построить мусульманскую церковь, которая объединила бы всех: суннитов, алевитов и шиитов, турок, арабов и боснийских мусульман. Это просто невозможно"¹⁵.

Примерно то же понимание, но в иной интерпретации предлагает Р.Хакимов, настаивая на татарском происхождении этого феномена, уходящего корнями в джадидистское движение XIX в: "Татарский вариант ислама очень прагматичен, при этом его нельзя назвать поверхностным, ибо он опирается на развитую систему религиозного и светского образования. Он органично соединил мусульманские ценности с идеями либерализма и демократии, а потому его можно назвать "евроисламом"¹⁶. В одном из интервью, характеризуя исповедуемый в Татарстане ислам, он добавил: "Я называю его евроислам. Ислам, повторяю. Мирная и толерантная религия. То течение, которое уже давно исповедуется в наших краях - джадидизм, пожалуй, самое мирное и толерантное во всем исламе"¹⁷. Введение нового понятия провоцирует смысловое разночтение, усложняющее единый категориальный аппарат исследователей. Казахский ученый Ж. Ибрашев предлагает иную интерпретацию "евроислама" как "ознакомление европейцев с содержанием исламской цивилизации", свободное от религиозной догматики"¹⁸.

Однако традиционные верующие и их духовные лидеры осуждают любые попытки выделения региональных религиозных практик в исламе. Председатель DITIB Германии Хеммет Сейхун считает, что оно сужает понимание ислама: "Ислам очень динамичен. Конечно, суры Корана неизменны, но их толкование и интерпретация постоянно развиваются. Поэтому я опасюсь, что если мы начнем вводить региональные различия, например "евроислам", то это ограничит развитие. Я предлагаю отказаться от понятия "евроислам", оно ничего не дает ни исламу, ни европейцам"¹⁹.

Главный советник Полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе С. Градировский разработал и запустил проект под названием "русский ислам". Под "русским исламом" он понимает "явление, лежащее на стыке исламской и русской культур"²⁰, "ислам, включенный в пространство русской культуры и русского языка, отвечающий интересам государства российского"²¹.

Представляется, что изучение самостоятельных феноменов "евроислам", "русский ислам", «региональные религиозные практики» важно с точки зрения инструменталистского подхода и лучшего понимания регионального ислама - "российского", "немецкого". В то же время, на наш взгляд, предпочтительнее рассматривать его в контексте общемирового ислама. В данном исследовании речь пойдет о "российском" и "немецком" исламе в значении ислама в России и Германии

¹⁵ "Евроислам" - есть он или нет?// www.dw-world/russian/0,3367,4457_A_783602,00.html

¹⁶ Хакимов Р. "Евроислам" в межкультурных отношениях// Независимая газета, 26 10 1998

¹⁷ В Татарстане исповедуют евроислам (интервью с Р. Хакимовым)// Российские вести, 26 12 2001

¹⁸ www.pr.kz/2002/31/mir1_2.html

¹⁹ "Евроислам" - есть он или нет?// www.dw-world/russian/0,3367,4457_A_783602,00.html

²⁰ Градировский С. Культурное пограничье русский ислам// www.antropotok.archipelag.ru/text/a258.htm

²¹ Градировский С. Русский ислам// www.archipelag.ru/text/555.htm

Соответственно и понятие "мусульманская умма" будет рассматриваться и использоваться в том же ключе

В связи со сложностью и многогранностью объекта исследования заявленная работа носит междисциплинарный характер и осуществляется на стыке нескольких дисциплин: политологии, истории, социологии, что отражается в методах, используемых в данной работе

Диссертационное исследование является бинарным, предполагающим использование различных сравнительных методов (историко-сравнительного, case-studies, метода "параллельных демонстраций") Сравнительный бинарный анализ позволяет провести качественное глубинное исследование, подчеркивая уникальность каждого из взятых случаев Бинарный анализ двух регионов проводился по **принципу поиска максимального сходства при максимальных различиях систем** Контрасты явлений предполагают демонстрацию, в одном случае, более развитого в экономическом, политико-правовом отношении региона, в другом случае, региона, как и страны, подверженных трансформационным процессам Метод "параллельных демонстраций" эффективен для выявления сходств и отличий при решении правовых аспектов положения мусульман Историко-сравнительный анализ в сочетании с методом case-studies используется для анализа исторических условий появления и распространения ислама в двух регионах, поскольку позволяет глубже проникнуть в предмет исследования, подчеркивает контрастность исходных условий. С его помощью удалось проследить основные тенденции развития мусульманского сообщества в регионах на разных исторических этапах, эволюцию правового положения, условий существования мусульманской общины, т.е. лучше понять современные характеристики политической культуры мусульман Берлина и Пермской области

Социологические методы (анкетирование, интервьюирование) расширили круг информации о субъективном мире верующих их ценностях, знаниях, представлениях, суждениях

Степень изученности темы. Теоретическую базу исследования составили работы по теории наций и национализма²², по политической конфликтологии²³, по политической культуре²⁴ и кросскультурной адаптации²⁵. Исследования Э Геллнера, В Тишкова, К Вердери, М Мнацаканяна предложили широкий спектр подходов к пониманию нации от этнической до государственно-политической категории, продемонстрировав многогранность исследуемых явлений и целесообразность тех или

²² Геллнер Э Нации и национализм М, 1991, Геллнер Э Пришествие национализма. Мифы нации и класса// Нации и национализм М Праксис, 2002 С 146-200, Вердери К Куда идут "нации" и "национализм"?// Нации и национализм М Праксис, 2002 С 297-307, Мнацаканян М О, Нации, "нацистроительство" и национально-этнические процессы в современном мире// Социс 1999 №5 С 118-127, Руткевич М Н Теория наций: философские вопросы// Вопросы философии 1999 №5 С 19-32, Тишков В А. "Нация – это метафора"// Дружба народов 2000 №7 С 170-182, Тишков В А О нации и национализме// Свободная мысль 1996 №3, Тишков В А Забыть о нации// Вопросы философии. 1998 №9, Хобсбаум Э Д Приворот этнической принадлежности и национализм в современной Европе// Нации и национализм М Праксис, 2002 С 332-346

²³ Горюхи Д. Теория межэтнического конфликта// Этнос и политика М УРАО, 2000 С 223-234, Гэрр Т Р Почему меньшинства восстают? Объяснение этнополитического протеста и мятежа// Этнос и политика М УРАО, 2000 С 244-256, Козер Л А Функции социального конфликта// Американская социологическая мысль М, 1996 С 542-556, Петрелла Р Националистические и региональные движения в Западной Европе// Этнос и политика М УРАО, 2000 С 234-244, Фельдман Д М Политология конфликта. М Стратегия, 1998

²⁴ Алмонд Г А, Верба С Гражданская культура и стабильность демократии// Полис 1992 №4 С 122-134, Инглхарт Р Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества// Полис 1997 №4 С 6-32, Лейхтхарт А. Политизированная демократия// Этнос и политика. М УРАО, 2000 С 287-299

²⁵ Ким Я Ю Коммуникация и кросскультурная адаптация// Этнос и политика М УРАО, 2000 С 36-41, Стефаненко Т Г Этническая психология М Аспект-Пресс, 2003, Bouchner S The social psychology of cross-cultural relations// Cultures in contact Oxford, 1982 P 5-44, Berry J W Immigration, acculturation and adaptation// Applied psychology An international review 1997 Vol 46 P 5-14

иных стратегий развития. Работы по политической конфликтологии обосновали причины мобилизации групп слабую роль экономического фактора по сравнению с политической подоплекой противоречий между иммигрантами и местным населением (Д. Горовитц), недовольство своим коллективным статусом в сочетании с политическими интересами, взаимодействие концепций относительной депривации и групповой мобилизации (Т. Гэрт). Исследования по политической культуре предложили не только структуру ее элементов, типологию разных политических культур, факторы, влияющие на их становление, но и обосновали тезис о сложности, многосоставной природе каждой культуры, об их неиерархичности. В работах этнопсихологов затронуты вопросы о типах, этапах кросскультурной адаптации, факторах, влияющих на безболезненную интеграцию в новую среду.

Исследования по религиозно-философской проблематике XIX-XX вв. были посвящены аксиологии ислама, анализировали основные поведенческие характеристики верующего. Однако, в трудах дореволюционных российских исследователей XIX в., как правило, теологов, характеристики мусульман носили ознакомительный, описательный характер²⁶. Работы советского периода (С. М. Гаджиев, Б. Х. Цавкилов, Н. Аширов, А. Т. Тхагалсоев) оставались сильно идеологизированными и предвзятыми²⁷. Лишь исследования последних лет достаточно объективно осветили аспекты традиционной психологии мусульман, появились немногочисленные пока работы по вопросам исламской морали²⁸.

Традиционно наиболее популярным остается исторический подход в отечественном исламоведении. С точки зрения региональной истории ислама в дореволюционный период особый интерес представляют работы пермских историков-краеведов, которые позволяют очертить основные социальные, демографические, духовные характеристики пермской уммы²⁹. Отечественное исламоведение советского периода исходило из внешнеполитической целесообразности исследований, а потому чаще обращалось к изучению ислама в соседних мусульманских странах. Научное осмысление советского ислама ограничивалось анализом классического периода, поэтому "ни с точки зрения формирования "большой" политики, ни в плане изучения различных аспектов классического ислама он не привлекал внимания специалистов"³⁰. Исследования по истории советского ислама, а тем более регионального, фактически отсутствовали. Исключение составляет изданная в 1983 г. в Париже книга А. Беннигсена, в которой впервые политика Российской и советской государств по отношению к мусульманским народам рассматривалась как "имперская", изоляционистская, порой доходившая до геноцида. Книга уникальна и тем, что автор дал оценку состоянию ислама и ее духовных лидеров в брежневский период³¹. В постсоветский период в отечественном исламоведении произошли заметные изменения, возрос интерес к вероучению ислама, к его истории, особенно активно стали развиваться историческое и политологическое направление исследований. Первые крупные работы по истории

²⁶ Баязитов М. Отношение ислама к науке и иноверам. СПб: тип. им. А.С. Суворова, 1887; Саблуков Г. Сведения о Коране. Казань: унив. тип-ия, 1884.

²⁷ Аширов Н. Нравственные поучения современного ислама. М.: Знание, 1977; Тхагалсоев А. Т. О некоторых моральных поучениях ислама. Нальчик: Эльбрус, 1976.

²⁸ Тагирова-Шайдаева Г. М. Исламская этика и социально-нравственные воззрения. М., 1990; Арифханова С. М. Нравственные принципы ислама как компонент культуры. Ташкент: Ташкентский ун-т, 1994.

²⁹ Лавровский К. Татарская беднота. Казань, 1884; Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми. Пермь, 1889; Верхолазов В. Летопись г. Перми с 1890 по 1912 г. Пермь: Труд, 1913.

³⁰ Мухаметшин Р. М. Ислам в общественно-политической жизни татар: возрождение и функционирование религиозных традиций в XX в. Дисс. на соискание уч. ст. доктора пол. наук. 23.00.04. Казань, 2000. С. 9.

³¹ Беннигсен А. Мусульмане СССР. Paris: YMCA-PRESS, 1983.

ислама в России появляются с середины 1990-х гг.³² В это же время публикуются первые серьезные исследования, посвященные истории регионального ислама.³³ С конца 1990-х гг. наблюдается всплеск исследований по исламу в республиках Поволжья, традиционно исповедующих ислам. В работах историка А. Б. Юнусовой и политологов Ф. М. Мухаметшина, Р. М. Мухаметшина на основе богатого архивного материала воссоздана история регионального ислама и анализируется роль исламского фактора в современном общественно-политическом развитии Татарстана и Башкирии.³⁴ Для более глубокого понимания роли и места религии в жизни советских граждан привлекаются исследования по правам человека³⁵, но и в ней, как правило, мусульманский компонент области игнорируется.

Вопросами политического ислама в современной России занимаются политологи А. В. Малащенко и Л. А. Баширов.³⁶ Часть научных работ посвящена военно-политической проблематике анализу региональных конфликтов в мусульманских регионах, исламской военно-политической мысли и ее влиянию на трансформацию военной политики России.³⁷

Исследования по регионалистике и политической культуре позволяют определить поведенческие особенности регионального сообщества, в т.ч. региональной элиты.³⁸ Однако, по-прежнему региональная политическая элита рассматривается вне этноконфессиональных аспектов. Исследования политических культур отдельных регионов пока еще немногочисленны.³⁹ Этноконфессиональные аспекты региональной политической культуры Прикамья, до сих пор не подвергались серьезному анализу.

³² Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М.: Вост. лит. ра., 1995; Валеев Р. М., Набиев Р. А. История ислама в России // Ислам и мусульмане в России. М.: КДТ, 1999; Нуруллаев А. А. Ислам и мусульмане в условиях советского режима // Ислам и мусульмане в России. М.: КДТ, 1999; Муфтахутдинова Д. Ш. Эволюция политики Российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – начало XX вв.) Дисс. на соискание уч. ст. кандидата ист. наук. 23.00.03. Казань, 1999; Абдыжапарова Б. С. Ислам и национальное сознание (историко-философский анализ развития восточноведения и религиозной мысли в России в конце XIX – начале XX в.) Дисс. на соискание уч. ст. кандидата философ. наук. 09.00.06. М., 1994.

³³ Семюткин С. Б., Идрисов У. Ю., Семюткина О. Н., Гусева Ю. Н. История исламских общин Нижегородской области. Н. Новгород: Нижегород. гос. университет, 1998; Черновская В. Мусульмане Ярославля. Ярославль, 2000.

³⁴ Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане: история, состояние и перспективы развития. Дисс. на соискание уч. ст. доктора ист. наук. 09.00.06. М., 1997; Мухаметшин Ф. М. Ислам в политической жизни России. Дисс. на соиск. уч. ст. доктора пол. наук. 23.00.02. М., 1998; Мухаметталиев С. Х. Ислам в современном социально-культурном развитии Татарстана. Дисс. на соискание уч. ст. кандидата ист. наук. 23.00.03. Казань, 1999; Мухаметшин Р. М. Ислам в общественно-политической жизни татар: возрождение и функционирование религиозных традиций в XX в. Дисс. на соискание уч. ст. доктора пол. наук. 23.00.04. Казань, 2000; Давлетшин К. Д. Взаимодействие национальных и религиозных факторов в культуре и в быту (на примере народов Поволжья и Приуралья, традиционно исповедующих ислам). Дисс. на соискание уч. ст. доктора философ. наук. 09.00.06. М., 1998.

³⁵ Лукьянова Л. А., Нечаев М. Г. Религиозное движение и борьба за права человека в СССР в 1960-80-е гг. // Тоталитаризм в России 1917-1991. Пермь, 1998.

³⁶ Малащенко А. В. Ислам в современной России // Ислам и мусульмане в России. М.: КДТ, 1999; Малащенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001; Малащенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998; Малащенко А. Каким мусульмане, Баширов Л. А. Ислам и этнополитические процессы в современной России. М.: РАГС, 2000.

³⁷ Малащенко А. В. Время юга России в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002; Мельков С. А. Исламский фактор и его влияние на военную политику России. Дисс. на соискание уч. ст. доктора полит. наук. 23.00.02. 2002; Понарин Э. Д., Мухаметшина Н. С. Национальные проблемы на пост-советской территории. СПб., 2001; Батаева Т. В. Национальные конфликты в постсоветской России. Этнические вооруженные конфликты в странах СНГ // Россия и ее соседи. М., 2000.

³⁸ Старкова М. А. Политическая культура региональной элиты. Пермская область в свете выборов // Политический альманах Прикамья. Вып. 1. Пермь, 2001.

³⁹ Морозова Г. В. Региональная политическая культура. Краснодар, 1998; Фадеева Л. А. Политические традиции и региональная политическая культура Прикамья // Политический альманах Прикамья. Вып. 1. Пермь, 2001.

Российскими исламооведами за редким исключением фактически не затрагивались вопросы зарубежного "западно-европейского" ислама⁴⁰.

Как и в России, большинство работ по исламу в Германии представлено в рамках исторического подхода. Первым наиболее известным исследованием в этом направлении, которое дало импульс развитию социологическому, политологическому подходам, стала работа С. М. Абдуллаха по истории ислама в Германии, вышедшая в 1981 г.⁴¹ Однако с учетом времени, с введением в научный оборот новых материалов, работа утратила прежнюю значимость. Исследования известных историков Г. Хеппа, П. Хейне раскрыли отдельные аспекты исламской жизни в Германии: историю мусульманских захоронений, историю мусульманской периодической печати, положение мусульманских военнопленных⁴². Себастьян Цвиклинский впервые предпринял попытку написать историю татар и башкир в Берлине через историю отдельных семейств и наиболее известных лиц, издав ее в виде небольшой брошюры⁴³.

В рамках политологического направления рассматриваются проблемы идентификации мусульманского населения Германии, вопросы трансформации поведения в диаспоре, роли исламских организаций, правового положения этноконфессиональных меньшинств, политизации ислама в современном мире⁴⁴. Особое внимание заслуживают работы М. С. Абдуллаха, Т. Леммена, Н. Файнхат-Риггера о мусульманских организациях в Германии, их общественно-политических программах, экономических ресурсах, связях со странами происхождения⁴⁵. М. Рое и У. Шюлер-Штегеманн разрабатывают аспекты правового положения мусульман в немусульманской среде и перспективы их решения⁴⁶.

Представители так называемого "этнокультурологического" направления занимаются различными музыковедческими, искусствоведческими исследованиями. Например Мартин Грев анализирует феномен "турецкой музыки" в Германии, и в рамках его выделяет даже "берлинско-турецкий" стиль, рассматривает историю турецкой музыки через призму предпочтений и вкусов каждого поколения, анализирует различные современные стили, а также их взаимосвязь с религиозными напевами⁴⁷.

В последнее время особую популярность среди немецких ученых приобретают социологические исследования, посвященные проблеме мигрантов, их интеграции в

⁴⁰ Гильзов И. Контакты российских татар-мусульман с Западной Европой: поиск новых цивилизационных ориентиров? // Ислам в Евразии. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 136-156. Он же. Коллаборационизм турко-мусульманских народов СССР в годы второй мировой войны – форма проявления национализма? // Ab Imperio. 2000. №3. С. 107-129. Он же. Германия и мусульмане России в двух мировых войнах? // Ab Imperio. 2001. №4. Он же. Национал-социалисты и ислам в Германии? // Мир ислама. 1999. №1/2. Чоповская И. Ислам в Америке? Я знаю одно чудо. Казань, 1997. С. 118-121.

⁴¹ Abdullah M. S. Geschichte des Islams in Deutschland. Wien, Koeln, Graz, 1981.

⁴² Hoepf G. Arabische und islamische Periodika in Berlin und Brandenburg 1915-1945 // Das arabische Buch. Berlin, 1994. S. 110. Araber in Berlin. Berlin, 2001. Islam in Berlin und Brandenburg. Steinernen Erinnerungen / Berlin fuer Orientalisten. Berlin, 2001. In fremder Erde. Zur Geschichte und Gegenwart der islamischen Bestaetung in Deutschland. Berlin, 1996. Die Wuensdorfer Moschee. Eine Episode islamischen Lebens in Deutschland 1915-1930 // Die Welt des Islams, 1996. S. 204-218. Muslime in der Mark. Als Knechtsgefangene und Internierte in Wuensdorf und Zossen 1914-1924 // Das arabische Buch, 1997. S. 221 и др.

⁴³ Cwiklinski S. Die Wolga an der Spree. Tataren und Baschkuren in Berlin. Berlin, 2000.

⁴⁴ Islamischen Identitaeten. Formen muslimischer Religioesaet. junger Maenner in Deutschland und Frankreich. Hamburg, 2001. Tibi B. Der Islam und Deutschland. Stuttgart-Muenchen, 2000. Tibi B. Kreuzzug und Dihad. Muenchen, 2001.

⁴⁵ Abdullah M. S. Geschichte des Islams in Deutschland. Wien, Koeln, Graz, 1981. Feindt-Riggers N., Steinbach U. Islamische Organisationen in Deutschland. Hamburg, 1997. Lemmen T. Islamische Organisationen in Deutschland. Bonn, 2000.

⁴⁶ Rohs M. Der Islam – Alltagskonflikte und Loesungen. Freiburg, Basel, Wien, 2001. Spuler-Stegemann U. Muslime in Deutschland. Freiburg, Basel, Wien, 2002.

⁴⁷ Greve M. Musik aus der Tuerkai in Berlin (Berlin, 1997) (Akdemir H. Die neue tuerkische Musik. Berlin, 1991, Kiebe D. Tuerkische Volksmusik. Berlin, 1993).

немецком обществе. Социолог В. Хайтмайер анализирует взаимовлияние праворадикальных сил и мусульманской молодежи⁴⁸.

Динамичность мусульманского сообщества, возрастание его влияния на региональную политическую жизнь, на ход предвыборных кампаний и настроений в обществе позволяют надеяться на дальнейшее расширение перечня монографий и статей, посвященных актуальным проблемам современного ислама как в России, так и в Германии.

Источниковая база. В работе над диссертационным исследованием использовались разные источники. Их можно подразделить на несколько групп.

Архивные материалы помогают воссоздать региональную историю мусульман Прикамья, выявить традиционные формы их политического участия и поведения, определить традиционное отношение власти (как центральной, так и региональной) к ним, проанализировать права верующих в отдельные исторические периоды и случаи их нарушения.

В результате слабой изученности современного положения мусульманского сообщества в региональной общественно-политической жизни и ограниченного круга опубликованных источников по данной проблематике отдельную группу источников составили *данные социологических исследований*⁴⁹. Социологические опросы мусульманского населения области, проведенные автором в мечетях и районах компактного проживания татаро-башкирского населения, позволили охарактеризовать современное положение мусульманской общины Пермской области: его социальные характеристики, уровень и степень религиозности, самоидентификации, нравственные и мировоззренческие приоритеты, уровень доверия политическим институтам, степень политической активности и участия.

Данные *интервью*, проведенные с региональными лидерами мусульманских общин России и Германии позволили очертить позиции, интересы представителей различных течений в современном исламе⁵⁰.

Помимо нормативных актов, содержащихся в архивных исторических документах, привлечены и *опубликованные сборники нормативных документов*. Они позволяют констатировать определенную эволюцию этноконфессиональной политики Российской государства, проследить взаимовлияние общегосударственных приоритетов развития и положение этноконфессиональных меньшинств, в частности мусульман России, и связанное с этим ограничение прав верующих.

⁴⁸ Heitmeyer W. Jugend auf dem Weg nach rechts?// Gewerkschaftliche Monatshefte 1989, № 9, S 549-560, Heitmeyer W., Schroeder H., Mueller J. Desintegration und islamischer Fundamentalismus/ Das Parlament. 2 02 1997, S 17-31, Schneewind J., Merken H. Inklusion und Exklusion von Mitgliedern der türkischen Minorität in Schulklassen// Migration und Integration in Berlin Opladen, 2001. S 251-270, Gesemann F., Kapphan A. Lokale Gefechte eines globalen Kulturkonfliktes? Probleme der Anerkennung des Islams in Berlin// Migration und Integration in Berlin. Opladen, 2001 S 397-416

⁴⁹ Газиева Г., Мельков С. Мусульманская умма в современном российском обществе (По материалам социологического исследования "Российский мусульманин. Кто он?"), проведенного в 2001-2002 гг. на территории Европейской части России) М., 2003, Дубова Н. А., Комарова О. Д. Русские, башкиры и татары южных районов Пермской области// Этнические проблемы регионов России Пермская область М.: Старый сад, 1998. С 227-293, Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения М.: Совпадение, 1998

⁵⁰ Данные социологического опроса, проведенного среди мусульманского населения Пермской области в октябре 2002 г.// Личный архив автора, Данные социологического опроса, проведенного в Бардымском районе Пермской области в феврале 2003 г.// Там же

⁵¹ Интервью с муфтием Пермской области М. Хузиным (Пермь, 1 10 2003)// Там же, интервью с председателем Пермской Соборной мечети Р. Ахмедовым от 8 апреля 1999 г.// Там же; Интервью с председателем Берлинского Татаро-башкирского культурного центра Р. Халиловым (Берлин, 6 06 2003)// Там же, Das Interview mit dem DITIB-Vorsitzender Huseyin Midik (Berlin, 13 06 2003)// Там же, Das Interview mit dem türkischen Arzt M. Dilmac (Berlin, 18 06 2003)// Там же; Das Interview mit der tatarischen Studentin D. Valeeva (Berlin, 18 06 2003)// Там же, Das Interview mit dem irakischen Student Ali al-Ahmad (Berlin, 26 06 2003)// Там же, Das Interview mit der Tuerkin A. Tetik (Berlin, 7 07 2003)// Там же

Статистические документы - материалы переписей населения иллюстрируют основные тенденции демографического развития, позволяют спрогнозировать темпы роста мусульманского населения России и Германии в ближайшем будущем, а значит и перспективы развития ислама.

Отчетная документация Духовного управления мусульман Пермской области позволила определить источники, размеры финансирования, основные направления деятельности мусульман региона⁵².

Видеофильмы о религиозной практике в Германии иллюстрируют реальное многообразие немецкого ислама, эволюцию религиозного поведения верующих в новых общественно-социальных условиях.

На современном этапе настроения, общественно-политические приоритеты мусульман находят выражение в *выступлениях их лидеров* (Т. Таджуддин, Р. Гайнутдин и др.).

Неоднозначными, но важными для современных исследований остаются материалы всемирной информационной сети *интернет*, которые предоставляют обширную информацию о деятельности мусульманских организаций России и Германии, об их организационной структуре, предлагают широкий спектр публикаций по правовой проблематике, подробно освещают ход судебных процессов по вопросу введения исламоведения в общеобразовательных школах, ношения хиджаба и т.д.

Российская и зарубежная периодическая печать как центральная, так и региональная (Татарстан, Халык чышмэсэ, Гасырлар авазы, Islamische Zeitung, Moslemische Revue, Der Spiegel, Die Zeit) являются важным субъективным источником, позволяющим определить основные каналы самоидентификации и степень кросскультурной адаптации мусульман.

Апробация работы. Диссертационное исследование стало основой для подготовки публикаций, выступлений на научных конференциях: "Нации и нациестроительство" (Пермский государственный университет, апрель 2002 г.), "Ислам в России и Германии" (Пермский государственный университет, апрель 2003 г.), "Мусульмане в немусульманской среде" (Москва, март 2003 г.), "Мусульмане Г.Берлина" (Берлин, 16.07.2003 г.), а также использованы автором при обсуждении проблем, затронутых в ходе работы международной весенней школы "Стратегия России в меняющемся мире" (Санкт-Петербург, март 2001 г.).

Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования. Исследование состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы и приложений, которые включают в себя статистические таблицы, краткие сведения о мусульманских организациях России и Германии, о программных позициях политических партий ФРГ по иммиграционному вопросу, образцы анкет, использованных при проведении социологических опросов, и вопросы интервью.

II. Основное содержание работы

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, научная и практическая значимость, сформулированы цель и задачи исследования, степень изученности данной темы.

В первой главе "Теоретические подходы к анализу этнополитических и мультикультурных процессов в современном мире" формулируется методологическая основа исследования, содержащая синтез существующих этнополитологических подходов к пониманию "этноса" и концепции мультикультурализма.

⁵² Отчет о деятельности ДУМПО (Пермь, 2000 г.) // Личный архив автора.

Для исчерпывающего объяснения современных этноконфессиональных процессов необходимо учитывать как инструменталистскую природу мотивации, так и роль лидеров в этноконфессиональной мобилизации при приоритете примордиалистского подхода к пониманию этноса. Такой подход синтезирует основные идеи всех трёх направлений

Представляется правомерным трактовка этноконфессиональных меньшинств, которая включает как объективный (численность, внешние признаки - раса, религия, язык, дискриминирующее юридически-правовое положение), так и субъективный критерий, который предполагает, что большинство представителей группы сами осознают свой принижённый статус. Учитывая субъективность дефиниций следует рассматривать этноконфессиональные меньшинства в контексте наблюдаемых процессов.

Проблемы "этничности", "этноконфессиональных меньшинств" на фоне иммиграционных процессов становятся актуальными и все чаще осмысливаются учеными и политиками сквозь призму концепции мультикультурализма. Краткий анализ общественного дискурса по этнокультурной проблематике в России и на Западе демонстрирует существующие этнокультурные концепции, общее и особенное в концептуализации мультикультурных моделей.

Современный дискурс по проблематике мультикультурализма развивается по нескольким тематическим направлениям: 1) дискуссии о дефиниции и соотношении понятий "мультикультурности" и "мультикультурализма"; 2) характеристика современных обществ; 3) влияние и значимость иммиграционных процессов на социальную структуру; 4) оценка политики мультикультурализма; 5) практические рекомендации по преодолению потенциальной и реальной конфликтности; 6) прогнозы дальнейшего развития.

В вопросе дефиниции "мультикультурности" и "мультикультурализма" автор соглашается с этнополитологом А. Борисовым, который предлагает развести эти понятия и рассматривать мультикультурность как "культурную неоднородность общества", а "мультикультурализм" как "идеологию и практику, которые в значительной степени опираются на либеральные концепции "культурного разнообразия", проповедующие этнические, расовые и субкультурные предпочтения в экономической, политической и культурных сферах общественной жизни"⁵³.

Обращаясь к характеристике и оценкам современных обществ нужно отметить, что академический и общественный дискурс по этой проблематике в каждой стране имеет свою специфику и обусловлен как протекающими в них политическими, социальными, культурными процессами, так и идейными позициями исследователя, политика. Российские исследователи, как правило, не отрицают мультикультурный характер современных обществ (В. Тишков, В. Малахов, Р. Абдулатипов), предлагая индивидуальную (В. Тишков), индивидуально-психологическую (О. Генисаретский), национальную (Р. Абдулатипов) модели мультикультурности.

Современные общества отличаются разной природой формирования мультикультурности. В Германии мультикультурное общество складывается под воздействием иммиграции. Поворотным моментом в переосмыслении иммигрантской природы Германии стал "Манифест шестидесяти", опубликованный в 1994 г.⁵⁴. Признавая иммигрантский характер страны немецкие ученые и политики по-прежнему не могут отказаться от идеи национального государства⁵⁵. Поэтому неудивительно, что

⁵³ Борисов А. А. Мультикультурализм как общественно-политическая проблема // История. Культура. Общество: междисциплинарные подходы / Под ред. Л. П. Ретяной и Г. И. Зверевой. М.: Аспект Пресс, 2003. Ч. 2. История и культурология. С. 551.

⁵⁴ Manifest der 60 // Deutschland und die Einwanderung. Muenchen, 1994 // www.comlink.de/cl-hh/m.blumentritt/agr133.htm

⁵⁵ Bade K. J. Ziele statt Zahlen // Zeitschrift fuer Kulturaustausch 1999, №3.

и сегодня германская общественность пытается обойти такие определения в отношении Германии как "мультикультурная", "иммигрантская" (Р. Мюнци, Р. Ульрих), а современные общества осмысливаются в рамках концепции "общества риска" (die Risikogesellschaft) У. Бека или "гражданского общества" (die Buergergesellschaft) Р. Дарендорфа.

Несмотря на постепенное утверждение взгляда на современное общество как "мультикультурное", в Германии по-прежнему остаются крепкими позиции сторонников так называемой "ляйткультуры" (Х. Гайслер, Ф. Мерц), которые рассматривают мультикультурность общества как неизбежную характеристику сегодняшнего дня, но отнюдь не желают ее принимать на будущее, а потому пытаются закрепить ценности традиционной культуры.

Многие ученые и политики (С. Хантингтон, К. Баде, О. Генисаретский С. Градировский) положительно оценивают экономико-демографический потенциал иммиграции. Другие (К. Майер-Браун) стараются не идеализировать ее последствия. Наибольшую эмоциональную неприязнь к иммигрантам высказывают идеологи "немецкой ляйткультуры" (Ф. Мерц, Э. Штойбер (ХСС), Х. Гайслер (ХДС), Г. Бекштайн (ХСС)). Их позиции часто перекликаются с идеями американских консерваторов, отстаивающих ценности западной культуры на базе христианства, классической философии, критикующих политику культурного разнообразия и ратующих за избирательную иммиграцию и ассимиляцию мигрантов. Однако и здесь можно найти свои отличия, если среди американских консерваторов-традиционалистов преобладает взгляд на Америку как нацию-государство, то немцы пока не готовы говорить о гражданах Германии как о неделимой нации, независимо от цвета кожи, вероучения и страны происхождения.

Политика мультикультурализма, пропагандирующая этнические, расовые и прочие предпочтения, вызывает резкую критику как немецких консерваторов, так и либералов (Ф. О. Радтке, Д. Оберндерфер). Более спокойную позицию выражают российские ученые (В. Тишков, В. Малахов), подчеркивая достоинства и недостатки политики поощрения. В отличие от США, ни в России, ни в Германии научная и политическая общественность пока не готова на практике применять политику мультикультурализма.

На сегодняшний день дискурс мультикультурализма как в российском, так и в германском варианте находится в русле дискуссий, происходящих в США.

Вслед за видными американскими исследователями Н. Глейзером, С. Липсетом, Д. Беллом умеренно-оптимистичного сценария развития событий в мультикультурном мире придерживаются этносоциологи А. Бёккер, Д. Трэнхардт⁵⁶ и исламовед Р. Гадбан⁵⁷, которые не сомневаются в неизбежности ассимиляционных процессов. На время, мудрость политического истеблишмента и естественный ход событий в решении мультикультурных проблем предлагает надеяться А. Борисов⁵⁸. Иной не столь оптимистичный прогноз вслед за автором концепции "столкновения цивилизаций" С. Хантингтоном высказывает пермский политолог П. Рахшир. Он разделяет перспективу "столкновения цивилизаций" С. Хантингтона, но не по внешним, а по внутрививилизационным разломам, как по линии разногласий между либералами и консерваторами, так и из-за размежевания внутри консервативного лагеря по вопросам иммиграции, образования, культурной политики.

⁵⁶ Boecker A., Thraenhardt D. Erfolge und Misserfolge der Integration – Deutschland und die Niederlande im Vergleich// Aus Politik und Zeitgeschichte B 26/2003

⁵⁷ Ghabban R. Reaktionen auf muslimische Zuwanderung in Europa// Aus Politik und Zeitgeschichte B 26/2003 S 31

⁵⁸ Борисов А. А. Американские консерваторы и мультикультурализм Дисс. на соискание уч. ст. кандидата ист. наук Пермь, 2000 С 229, см также Борисов А. А. Мультикультурализм американский опыт и Россия// Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире исследовательские подходы и интерпретации/Под. ред. Г. И. Зверевой М.: Аспект Пресс, 2003 С 8-29.

Анализируя основные тенденции развития, В. Тишков и В. Малахов считают, что Россия обречена на гражданскую модель мультикультурализма.

И в России, и в Германии мультикультурная проблематика оставалась долгое время малорепрезентативной в силу целого ряда причин. Специфика российского и германского дискурса по проблематике мультикультурализма определяется, прежде всего, его скромностью в тематике затрагиваемых вопросов, отсутствием миссионерских настроений. Если в Америке этот дискурс фундаментален, то в России и Германии узкопрактичен и слаб по причине своей молодости. Российский и германский дискурс произволен, т.к. протекает на основе осмысления наработок американских коллег. Это в свою очередь сказывается на скудности и слабой вариативности предлагаемых мер по преодолению конфликтности современных обществ. Под влиянием иммиграционного фактора осмысление мультикультурности протекает в Германии бессистемно, полностью сконцентрировавшись на проблеме иммиграции. Это обуславливает большую напряженность в общественных дискуссиях между сторонниками и противниками "немецкой лаяткультуры". Возможно, сильный общественный резонанс активизирует дискуссии и ускорит принятие решений на вызовы современности. И в России, и в Германии в общественном сознании мультикультурность не стала, свершившимся фактом. Если в России мультикультурная проблематика рассматривается, прежде всего, с точки зрения этнорегионального сепаратизма, то в Германии под воздействием иммиграционного фактора. Соответственно, исторически сложившаяся мультикультурность России, а также советское наследие повлияли на меньшую конфликтность этнокультурных носителей, а, следовательно, обусловили и вялость российского мультикультурного дискурса.

В результате краткого обзора существующих концепций по вопросам мультикультурных обществ, автор делает следующие выводы:

- в настоящее время уже очевидна мультикультурность многих современных обществ, в том числе России и Германии;
- примордиалистские характеристики современных обществ не потеряли своей значимости для объяснения происходящих процессов, но исчерпывающий анализ требует синтеза основных этнополитологических концепций;
- модель национального государства и в России и Германии утрачивает свои позиции;
- концепция "столкновения цивилизаций" при сильных внутрицивилизационных экономических, политических, культурных вызовах представляется сомнительной;
- рост религии в современном мире очевиден;
- допустимы иные варианты развития, помимо однополюсной картины мира.

Во второй главе "Процесс институционализации ислама в контексте социально-политической истории России и Германии" с помощью историко-сравнительного анализа рассматриваются условия и время появления ислама в данных странах, сложившийся характер взаимоотношений с властью, что отражается на специфике регионального ислама и политической культуре мусульман.

Ислам в любой стране имеет свою специфику, обусловленную различием культурно-исторических, социально-экономических и политических условий его распространения, что сказывается на взаимоотношениях мусульман и немусульманского окружения, государственных структур и верующих. С другой стороны, реакция власти на исламский фактор влияет на настроения верующих, их ориентации относительно системы и на готовность/неготовность легитимизировать ее.

В первом параграфе "*Ислам в России*" анализируется время появления ислама в Волго-Уральском регионе, условия принятия, сложившийся характер взаимоотношений мусульман с местным населением, с региональной властью, специфика ислама в данном регионе, традиционные формы политического поведения и участия населения.

Этническую базу мусульманской уммы Пермской области традиционно составляет татаро-башкирское население области "Возраст ислама" в России настолько солиден, что он стал неотъемлемой традицией местных народов

Скорее всего, именно в болгарский период посредством торговых контактов с соседними регионами и, прежде всего, с Волжской Булгарией местное население познакомилось с исламом Применительно к России можно говорить о мирном, постепенном утверждении ислама в результате деятельности арабских миссионеров и многолетних торгово-экономических и культурных связей с восточными странами В отличие от Германии принятие ислама ханафитского мазхаба в Волго-Уральском регионе способствовало установлению гибкой формы ислама, более терпимой к различным течениям и конфессиям, что до сих пор определяет политический климат региона

На сегодняшний день пермские и казанские этнологи не могут дать однозначного ответа на вопрос о времени появления ислама в Пермском крае, о путях его распространения в регионе, об этнических компонентах, сформировавших татаро-башкирское население области".

В процессе институционализации ислама в Прикамье можно выделить следующие периоды государственно-исламских отношений, до середины XVI в ислам сохранял статус официальной идеологии Казанского ханства, с 1552 г. начинается активная христианизация и русификация инородного населения, с 80-х гг. XVIII в некоторое послабление по отношению к мусульманскому населению, с середины XIX в - усиление антимусульманских настроений, поиск форм взаимодействия с религиозными общинами в 1918-1929-е гг, лишение мусульманских общин материальной базы, расцвет репрессивной машины в 1929-39-е гг, унесшей видных мусульманских лидеров, что привело к утрате преемственности религиозных традиций, некоторое послабление и уступки в годы войны (1941-47 гг), пассивная форма идеологического контроля, кризис общественной, религиозной жизни с конца 1940-х по 1950-е гг; вновь возросшее пристальное внимание к конфессиональным вопросам в 1960-80-е гг. Однако на протяжении всего исследуемого периода православие оставалась официальной государственной религией

К рубежу 1980-90-х гг. пермская умма подошла в плачевном состоянии Культурно-исторические особенности распространения и функционирования ислама в Пермской области повлияли на политическую культуру мусульман региона Советская политика не только искоренила в общей массе верующих знания об исламе, но и воспитала такие ранее неизвестные качества, как обреченно-безысходная лояльность власти, общественно-политическая пассивность, подозрительность, осторожность, что позволяет говорить о подданническо-активистском типе политической культуры пермских мусульман Пути и методы распространения ислама в России объясняют и слабый мобилизационный потенциал теневого, тихого, так называемого "народного" ислама.

Второй параграф "Ислам в Германии" посвящен анализу процесса институционализации ислама в Германии

Процесс институционализации ислама в Германии имеет по сравнению с Россией две немаловажные особенности 1) процесс развертывания институционализации относительно недолго, 2) институционализация ислама шла параллельно со становлением демократической системы, оформлением политической культуры немцев.

Для Германии ислам и мусульмане - это скорее импортированная проблема, сначала как результат завоевательных войн (проблема военнопленных XVII-XVIII вв),

⁹⁹ Более подробно см Чагин Г.Н., Черных А.В. Народы Прикамья Пермь, 2002 С.29-35, Исаков Д.М. Расселение и численность пермских татар в XVIII - начале XX вв// Историческая этнография татарского народа. Казань, 1990 С 5-30, ГАПО Ф 316, оп. I, д. 78, л 14 С 29

а затем - гастарбайтеров (XX в.), что сказывается на отношении к ним иноконфессионального окружения.

Несмотря на некоторые временные аналогии с периодизацией "российского" ислама, содержание отдельных периодов утверждения ислама в Германии оказывается диаметрально противоположным: до начала XX в. это случайные, непостоянные контакты; 1915-1940 гг. - оформление и расцвет мусульманских общин; 1940-1945 гг. - ослабление и приостановка деятельности многих общин; вторая половина 1940-х гг. - угасание прежних мусульманских центров; с середины 1950-х гг. начинается интенсивная миграция, сначала ахмадийя, затем, в начале 1960-х гг. - первые трудовые соглашения с иностранными рабочими, так называемая "первая волна иммиграции"; середина 1970-х - 1980-е гг. - "вторая волна" политических иммигрантов большого размаха; 1990-е гг. - дебаты и поиск оптимальной стратегии в иммиграционной политике; 2000-е гг. - смена иммиграционной политики ФРГ, пересмотр иммиграционного законодательства, упрощение натурализации "коренных" иммигрантов. Власти Германии наконец-то отказались от многолетней практики игнорирования исламского общества.

Сильный внешний фактор в институционализации "немецкого" ислама, его "импортированный" характер обусловил этническую, конфессиональную пестроту мусульманской общины Германии. Здесь представлены верующие всех мазхабов, от умеренных до радикальных, а также алевиты, суфийские организации.

Привнесенный характер ислама в Германии на фоне сильного иноконфессионального окружения определил и его активно-мобилизационную, ортодоксальную природу, с хорошо развитой собственной инфраструктурой, активистско-подданнический тип политической культуры немецких мусульман.

С 1990-х гг. и в России, и в Германии на фоне серьезных политических, социально-культурных изменений, увеличения иммиграционных потоков активизировался исламский фактор на региональном уровне, сформировались новые мусульманские структуры, активнее стали актуализироваться потребности верующих.

В - третьей главе "Политико-правовое положение мусульман" в рамках сравнительного анализа с помощью методики "параллельных демонстраций" рассмотрены наиболее острые проблемы мусульманских сообществ двух стран: вопросы получения гражданства, трудоустройства, религиозного образования, ношения хиджаба, заклания животных, возможности теле-, радиовещания.

По оценкам специалистов сегодня в России проживает от 15 до 22 млн. мусульман⁶⁰, в Пермской области по данным Духовного Управления мусульман Пермской области (ДУМПО) - 260 тыс. мусульман, что составляет около 8,3% от общей численности населения области⁶¹. Традиционно этническую основу мусульман региона составляет татаро-башкирское население, исповедующее суннитский ислам ханафитского мазхаба.

К настоящему времени в Германии проживает 2,5 - 3,2 млн. мусульман (4% от общего числа населения)⁶². Мусульманская умма Германии является третьей по

⁶⁰ Около 20 млн., см. Асадуллин Ф. А. Мусульманские духовные организации и объединения РФ. М., 1999; Малащенко А. В. Ислам в современной России ...; 15 млн. мусульман, см.: Иордан М., Кузеев Р., Червоная С. Исламский мир в контексте актуальных проблем культурной и этнической антропологии // Ислам в Евразии. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С.15, 15-18 млн., см.: Зуев Ю. П. Религиозно-конфессиональные отношения и общественная стабильность в современной России // Религия и политика в современной России. М., 1997. С.66; 12 млн., см.: Die Angaben des Bundesministerium fuer Wirtschaft und Arbeit und Institut fuer Entwicklungsforschung, Wirtschafts- und Sozialplanung, Saarbruecken, Berlin, Brussel, 2002.

⁶¹ Неганова С. Г. Светел путь к величию // Жизнь национальностей. 2001. № 4. С. 64; Солодуха А. Б. Межконфессиональный консультативный комитет и конфессиональные отношения в Пермской области // Политический альманах Прикамья Пермь, 2002. С. 131

⁶² Т. Леммен говорит о 3 млн мусульман в ФРГ, см.: Lemmen T. Islamische Organisationen in Deutschland Bonn, 2000 S 11, Шмюлер-Штегеманн У. - о 3,2 млн., см.: Spuler-Stegemann U. Muslime in

величине религиозной общины Германии после католиков и протестантов. Мусульмане проживающие в Германии представляют 40 наций, подавляющая часть верующих (75-80%) - турки. Расхождения в определении численности мусульман связаны с отсутствием государственной конфессиональной статистики. По официальным данным, на июнь 2002 г. в Берлине проживало 439617' (13,2%) иностранцев. Суммируя общую численность всех мигрантов из мусульманских стран, предположительно можно говорить о 165 тыс. мусульман в Берлине, среди которых преобладают этнические группы турок и боснийцев.

И в России, и в Германии ислам остается религией меньшинства. Правовое положение мусульман как отдельных верующих, так и религиозной общины в целом нельзя считать идеальным, или даже нормальным. Ни мусульмане России, ни мусульмане Германии не имеют пока возможности для реализации своих прав и интересов. Автор отмечает, что можно говорить об индивидуальной, бытовой дискриминации мусульман (профессиональная, жилищная, образовательная), дискриминации прав религиозного сообщества (затруднение при строительстве мечетей, игнорирование ходатайств о преподавании ислама в школе), об исключении из политической жизни мусульманских мигрантов Германии (избирательное право, двойное - гражданство), дискриминации ислама СМИ (затруднительный доступ к государственным СМИ, муссирование образа врага, искажение ислама).

Различия в правовом положении мусульман двух стран объясняются совокупностью социально-экономических, исторических, политических причин. Однако правовое положение мусульман в Германии и России имеет много общего. Несмотря на разность гражданского статуса верующих, на разную степень артикуляции своих требований остаются схожими проблемы мусульман обеих стран: от выживания как религиозного сообщества, поддержания относительного единства и целостности, до передачи и трансляции своих традиций, проблемы социализации, развития собственной интеллектуальной мысли в условиях немусульманского окружения.

Между тем причины столь неравноправного положения мусульман в иноконфессиональной среде, прежде всего, нужно видеть в проблемах внутренней организации самой уммы. Здесь можно согласиться с доктором Ральфом Гадбаном, сотрудником евангелического института в Берлине, что "реальную причину исключаящего положения мусульман нужно искать не в религии, а в их этнической и политической раздробленности и речь идет о том, чтобы преодолеть это, как произошло в конце концов во Франции"⁶³. Этнонационализм и этнизация иммигрантов препятствуют интеграции мусульман Германии, соответственно осложняют получение статуса лица публичного права и связанных с этим льгот. Это же справедливо и применительно к России: этнизация и политико-организационная разобщенность препятствует не только интеграции российской уммы, но и осложняет конфессиональную ситуацию в регионах.

"Российский" и "немецкий" ислам в условиях диаспоры вынужден меняться, приспосабливаться к новым реалиям сосуществования с другими конфессиями. С другой стороны, меняется и позиция официальной власти в отношении ислама, что позволяет рассчитывать на их взаимопонимание. Между тем, любые теракты, сопровождаемые исламской символикой, осложняют диалог между мусульманами и иноконфессиональным окружением. По мнению автора, мусульманское сообщество Германии и России еще не реализовало себя в региональной политической жизни, но с учетом общемировых тенденций и внутристрановых особенностей можно

Deutschland. Freiburg, Basel, Wien, 2002. S 30, Йонкер Г. о 2,5 млн., см.: Jonker G. Nouvelle perspectives sur la conduite islamique dans la diaspora allemande//Islam(s) en Europe. Berlin, 1998. S 55, 3,2 млн мусульман, см.: Kamp M. Islam in Deutschland und Berlin// Religion in Berlin. Berlin, 2003. S 313.

⁶¹ Ghadban R. Reaktionen auf muslimische Zuwanderung in Europa// Aus Politik und Zeitgeschichte B 26/2003 S 30.

прогнозировать дальнейший рост влияния "побочного исламского общества" в регионах.

Четвертая глава "Мусульманские организации как институты гражданского общества: региональное измерение" посвящена вопросу формальной институционализации ислама в исследуемых регионах, дается обзор действующих исламских организаций, их организационных структур, деятельности по артикуляции интересов верующих.

В первом параграфе "Мусульманские организации Берлина" рассмотрены основные характеристики мусульманской уммы Германии, анализируется специфика институционального развития мусульманских общин Германии, структуры и функции формальных институтов.

Первые мусульманские организации стали появляться в Германии еще в межвоенный период, однако, история большинства современных организаций начинается с середины 1960-х гг., с активизации рабочей миграции и заключения специальных договоров о найме с Турцией (1961), Тунисом (1965), Марокко (1966), Югославией (1968).

В 2001 г. в ФРГ действовали 70 классических мечетей и 2204 молитвенных мест для верующих, причем еще 32 новых мечети должны быть сданы к концу того же года⁶⁴. По оценкам ученых, исламские организации охватывают на сегодняшний день около 20 % мусульман⁶⁵.

Общины и союзы являются не только религиозными институтами, но во многом берут на себя функции государства и выступают социальными институтами, стараясь облегчить интеграцию верующих в немецкое общество (языковые курсы, юридические консультации, спортивные союзы и т.д.)

Сегодня интересы мусульман Германии на федеральном уровне представляют две организации Исламский Совет (1986 г.) и Центральный Совет мусульман Германии (1988 г.).

В Берлине функционируют мусульманские организации разных идейно-политических направлений: националистического (Турецкая федерация Берлина (ADUETDF), мечеть Мевлана Исламского общества Милли Геруш (IGMG)), экстремистского (Объединение исламских союзов и общин (ICCB)), государственно-управляемого (13 мечетей и 5 союзов Турецко-исламского союза мер по религии (DITIB), Берлинский культурный центр анатолийских алевитов⁶⁶, Демократическая алевитская федерация, Tahtaci), мистического (49 общин Союза исламских культурных центров (VIKZ), Нуркулук-движение с Независимой исламской службой в Берлине и издательством "Иттихад").

Несмотря на разнообразие идейно-политических взглядов и программ со своей стороны мусульманское сообщество Германии, как в лице отдельных организаций, так и верховных объединений, выражает свою приверженность федеральным законам и демократическому строю, что нашло отражение в Исламской хартии Центрального Совета мусульман Германии, изданной в феврале 2002 г.

Институционализация ислама в Германии идет активно, используя разные организационные, идейные формы союзов

Функциональные возможности мусульманских организаций ограничиваются внутриобщинными вопросами, формально позиционируя от политического участия. В условиях закрытости ряда организаций, ограниченности доступа к документации, реальные возможности влияния на умму остаются малоисследованными. Однако, можно предполагать, что экономическая роль (прежде всего за счет финансирования

⁶⁴ Spuler-Stegemann U. Muslime in Deutschland Freiburg, Basel, Wien, 2002, S 144.

⁶⁵ Kamp M. Islam in Deutschland und Berlin// Religion in Berlin, 2003 S 314

⁶⁶ По собственным данным насчитывает 40000 членов См : <http://www.aalem-cemevi.de>

мусульманских стран) и потенциал политического влияния организаций достаточно высоки.

"Внешние" возможности мусульманских организаций (влияние на немецкое общество) сильно ограничены, в первую очередь, в связи с отсутствием статуса публичного органа права, что сужает финансовые основы их существования, ставит под вопрос расширение религиозной практики

Мусульманская умма Германии на сегодняшний день расколота, что подтверждает разнообразие существующих мусульманских организаций. Тем не менее, мусульмане Германии активно пытаются репрезентовать свои интересы перед немецкой общественностью и государством, причем простые верующие в первую очередь актуализируют свои национальные, этнические, языковые традиции. Религиозная сфера не рассматривалась верующими в качестве сферы политической жизни, а конфессия в качестве политического актора в силу своего неравноправного положения, статуса неофициального публичного права.

Однако после событий 11 сентября ситуации радикально изменилась, мусульмане все больше склоняются к политическому представительству своих интересов и участию в политической жизни, прежде всего, через Партию свободных демократов, Социал-демократическую партию Германии и через Союз-90-х/Зеленых.

Во втором параграфе *"Мусульманские организации Пермской области"* анализируется специфика институционального дизайна мусульманских организаций России и Прикамья, их деятельность и насущные проблемы.

Институционализация российского регионального ислама протекает скромнее и связана с меньшим спектром конфессиональных, идейно-политических движений.

На 1 января 2001 г. в Российской Федерации были зарегистрированы 3048 мусульманских объединений, 61 из которых являются централизованными религиозными организациями, 2873 прихода и 114 духовных образовательных учреждения⁶⁷. Фактически все религиозные организации за исключением нескольких Духовный управлений мусульман (ДУМ Тюменской области, ДУМ Татарстана) входят в два основных блока: Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) во главе с Т. Таджуддином и в Совет Муфтиев России (СМР), созданный на базе Духовного управления мусульман Европейской части России во главе с Р. Гайнутдином. Мусульманская умма России, как и Германии, тоже не имеет единого организационного центра.

На территории Пермской области все мусульманские общины контролируются двумя структурами: ЦДУМ (ДУМПО) или СМР (Пермская Соборная мечеть).

По данным ДУМПО на 2003 г. в области действуют 75 приходов, из них 19 расположены в городах области⁶⁸. Причем из названных муфтием приходов часть остается незарегистрированной. В г.Перми функционируют 4 общины (при Соборной мечети, в Кировском районе, в Орджоникидзевском районе на Гайве и в Индустриальном районе г.Перми).

Серьезное беспокойство на сегодняшний день вызывает многолетнее противостояние внутри исламского руководства, между ЦДУМ и СМР, вызванное разными взглядами по некоторым экономическим, политическим, административным вопросам. Пермская область стала одним из наглядных примеров открытого конфликта ЦДУМ и СМР. Официально все приходы области подчиняются Духовному управлению мусульман Пермской области во главе с муфтием Муххамедгали Хузиным. Деятельность ДУМПО контролируется ЦДУМ и Шейх-уль-ислам Т. Таджуддином. Однако фактически община Соборной мечети (председатель Р. Ахмедов), некогда относившаяся к ДУМЕР (Р. Гайнутдин) и переданная весной 2001 г. по распоряжению

⁶⁷ Логаткин Р. А. Конфессиональный портрет России к характеристике современной религиозной ситуации. М., 2001 С 26

⁶⁸ Отчет ДУМПО// Личный архив автора.

главы города ДУМГЮ, продолжает поддерживать неофициальные связи с Р. Гайнутдином. В настоящее время Соборная мечеть контролирует 8 приходов области. Вся религиозная обстановка в регионе сводится к противостоянию этих двух сторон. По мнению автора, рассчитывать на примирение позиций в обозримом будущем не приходится, поскольку слишком серьезные экономические, политические причины этого противостояния. Одним из наглядных проявлений противостояния двух религиозных структур на территории области стало строительство новой Соборной мечети г.Перми, находящейся в ведении ДУМПО, заложенной 4 декабря 1999 г.

На сегодняшний день, по сравнению с СМР ЦДУМ располагает меньшими финансовыми возможностями, испытывает серьезные кадровые проблемы и в целом намного скромнее действует в региональном масштабе (слабая научно-просветительская, благотворительная деятельность).

Ограниченные финансовые, кадровые ресурсы Пермского муфтията и внутриобщинное соперничество с председателем Соборной мечети Ровшаном Ахмедовым сужают социальную базу ислама в регионе, способствуют оттоку части верующих из мечетей.

Несмотря на все расхождения этих двух центров, религиозная основа их едина - суннитский ислам ханафитского толка. В области действует несколько шиитских общин, которые добровольно вошли в состав ДУМПО или СМР. О наличии в области других течений ислама, суфийских организаций пока ничего не известно.

Взаимоотношения ДУМПО и областной Администрации не отмечены какими-то раздорами или конфликтами, но у каждой стороны имеются свои претензии и обиды. Подобное положение дел, конечно же, не может стать причиной открытых раздоров, но сказывается на взаимопонимании сторон.

Пол патронажем областной администрации в 1998 г. был образован Межконфессиональный консультативный комитет Пермской области, куда вошли Пермская епархия, Пермский муфтият, благочиние старообрядческой церкви, иудейская, католическая и лютеранская общины. Комитет призван объединить усилия и координировать действия религиозных организаций по укреплению духовно-нравственных основ общества, развитию благотворительности, патриотизма, в борьбе с духовно-нравственным экстремизмом.

Сегодня вполне серьезно можно говорить о тяжелом состоянии мусульманского культа в области, главным образом, из-за скудности финансовой базы. Местный ислам институционализируется в рамках официальных духовных структур, не используя такую альтернативу как создание групп интересов. ЦДУМ пытается в силу своих возможностей монополизировать региональный ислам. Любые инвариантные пути развития ислама в регионе им воспринимаются болезненно, в то время как официальные органы власти поощряют "конфессиональный плюрализм". Артикуляция интересов верующих происходит по стандартизированным каналам. Деятельность мусульманских организаций в силу финансовых, кадровых проблем ограничена малым кругом вопросов, поэтому применительно к России, а особенно в пределах "вотчины" ЦДУМ роль мусульманских организаций остается малозаметной как для общественности, так и самой уммы. Фактически можно констатировать отсутствие продуманной социальной, информационной политики мусульманских объединений. Элементы гражданского общества, в том числе и духовного социума, развиты слабо, и пока только остается надеяться на большую их представленность в региональной жизни. С другой стороны, бедность религиозного ландшафта области, неразвитость гражданской культуры может стать залогом успешной политики областной Администрации, что вполне осознается ее представителями и на что, вероятно, делается ставка.

В пятой главе "Религиозная идентичность и политическая культура мусульман Пермской области" по результатам проведенных социологических

опросов предпринята попытка проанализировать влияние религиозного фактора на политическую культуру мусульман Пермской области. Исследование основано на данных двух социологических опросов, проведенных 1) в октябре 2002 г. через мухтасибаты и махалля Духовного управления мусульман Пермской области среди прихожан мечетей и 2) в феврале 2003 г. в районах компактного проживания татаро-башкирского населения области.

По результатам опросов можно говорить о достаточно высоком совпадении этнического и конфессионального факторов без абсолютизации данного вывода.

Однако заявленная "номинальная религиозность" оказывается выше реальной, и желающих идентифицировать себя с мусульманами больше, чем тех, кто реально исполняет предписания веры. Значительная часть (34,4%) опрошенных испытывает проблемы с определением своей идентичности. Однако о преобладании российской идентификации мусульман говорить пока рано, т.е. государственнообразующий компонент идентификации проявляется слабо. Вместе с тем и понятие мусульманской уммы России остается условным.

Мусульманская общественность заявляет об относительно высокой включенности в политическую жизнь страны и региона. Подавляющая часть верующих (77%) проявляет активный или пассивный интерес к политике.

При наблюдении корреляции между интересом к политике и уровнем идентификации респондентов обнаруживается, что чем выше политизированность, тем чаще самоидентификация идет на локальном уровне в рамках своей общины. Лица, интересующиеся политикой в большей степени, ощущают себя мусульманами конкретного прихода.

Этноконфессиональные интересы и потребности актуализируются верующими слабо, отступают на задний план перед общероссийскими проблемами.

В вопросе о доверии институтам власти наиболее высокое доверие было высказано президенту России (86,8%), религиозным организациям (82,2%), армии (73,8%), ФСБ (57,8%). Полностью дискредитировали себя в глазах населения политические партии (24,7%), СМИ (50%).

Анализ данных позволяет говорить о сравнительно благоприятном материальном положении, о высоком уровне благосостояния татаро-башкирского населения области по сравнению с другими народами⁶⁹, что снижает экстремистский потенциал местного ислама.

Результаты опросов позволяют говорить о некоторых изменениях ценностных ориентиров мусульманского населения, особенно среди молодежи. Постепенно все больше сторонников в среде опрошенных находят новые демократические ценности и индивидуальные интересы. Однако остаются крепкими такие этнорелигиозные ценности, как семья, брак, многодетность, осуждение аборт.

Современная мусульманская молодежь демонстрирует слабую включенность в политику, порой апатичность. Более половины молодежи затрудняется в определении своей религиозной идентичности, что свидетельствует либо о наличии колебаний, либо об отсутствии идентификации в рамках мусульманской уммы, несмотря на заявленный процент верующих. Очевидно, причины кроются не только в специфике переходного периода, но и в слабом внимании со стороны мусульманского духовенства к молодежному вопросу.

Среднестатистический портрет мусульманина Пермской области выглядит следующим образом: замужняя женщина крестьянского происхождения без высшего образования, чаще всего с неполным средним образованием, 60-69 лет. Портрет регионального верующего вполне соответствует результатам общероссийского опроса

⁶⁹ Дубова Н. А., Комарова О. Д. Указ соч.

1996 г.⁷⁰ Судя по всему, образ среднестатистического верующего мало динамичен во времени. Однако следует добавить, что это женщина, пассивно интересующаяся политикой (читает газеты, следит за новостями, но не доверяет СМИ), оказывающая высокую поддержку российскому президенту, федеральному правительству, в глазах которой полностью дискредитировали себя политические партии и СМИ. Таким образом, региональный ислам с женским лицом, слабо политизированный - залог стабильности межконфессиональной ситуации в Пермской области на ближайшие годы.

Культурно-историческая, социально-экономическая специфика развития России определила и тип политической культуры мусульман Пермской области. Традиционно слабая включенность в общественную жизнь, осторожность, лояльность к местной власти, политическая пассивность сформировали подданнически-активистский тип политической культуры пермских мусульман.

В настоящее время идет становление социокультурной целостности российских мусульман, политические интересы которых только формируются. Сегодня еще нельзя говорить об однозначном влиянии ислама на политику на региональном уровне, но очевидна общая политизация населения, в том числе и верующих мусульман, что делает правомерным дальнейшее изучение возрастающей роли религиозного фактора на политическую жизнь в стране и регионах.

В Заключении подводятся основные выводы исследования.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Положение мусульман в Пермской губернии в дореволюционный период// Политический альманах Прикамья. Вып.1. Пермь, 2001. С.211-214, (0,3 п.л.)
2. Мусульмане Пермской области в 1920-50-е гг.// Политический альманах Прикамья. Вып.2. Пермь, 2002. С.166-174. (0,85 п.л.)
3. Социальный портрет мусульманина 1930-х гг.// Политический альманах Прикамья. Вып.3. Пермь, 2002. С.178-184. (0,7 п.л.)
4. Мусульманская община Перми и Пермской губернии до 1917 г.// Религия в истории города Перми (до 1917 г.). Пермь, 2003. С.25-27. (0,2 п.л.)
5. Религиозная идентичность и политическая культура мусульман Пермской области// Панорама исследований политики Прикамья Вып.2. Пермь, 2004. С. 116-136. (1 п.л.)
6. Проблемы институционализации ислама в Германии// Политический альманах Прикамья. Вып.4. Пермь, 2003. С 47-57. (1 п.л.)
7. Мусульмане Пермской области в 1960-80-е гг. (1,6 п.л.) (в печати)
8. Ислам в условиях современной демократии: опыт Германии// Религия в меняющемся мире. Пермь, 2004. (0,1 п.л.)
9. Мусульманки Прикамья (0,2 п.л.) (в печати)

⁷⁰ Локосов В. В., Яковлев С. Я. Поможет ли религия России?// Религия и политика в современной России М.: РАГС, 1997 С. 27.

Отпечатано в типографии Пермского государственного университета

Подписано в печать 25 05 04

Формат 60x84/16. Усл печ л 1,4. Тираж 100 экз Заказ 185.

P13095